

УДК 930.1

ИСТОРИЯ КАК ПУТЬ К ИДЕАЛУ

Евгений Ф. Казаков^{1, @1}, Владимир И. Красиков^{2, @2}

¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

² Всероссийский государственный университет юстиции, Россия, 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, кор. 1

@1 ketscitykazakov@mail.ru

@2 vpa@vpa-miust.ru

Поступила в редакцию 20.04.2017. Принята к печати 29.12.2017.

Ключевые слова: история, человек, Идеал, совершенный человек, первобытность, античность, Средневековье, Новое время, Новейшее время, Зверь, бог, Машина, кризис самоидентификации.

Аннотация: На примере эволюции образа совершенного человека в статье исследуется роль общественного идеала в истории. Идеал понимается как образ должного, позволяющий оценить сущее и задать направленность его развития. Стремление к Идеалу – сущностная интенция человека, необходимая для его воочеловечивания – предстаёт одной из движущих сил истории. Каждая историческая эпоха конструирует свой образ совершенного человека и стремится приблизиться к нему. Представления о совершенном человеке формировались на протяжении всей истории, в чём выражает себя перманентно присущее человеку чувство неудовлетворённости собой (и миром), нереализованности сущности в существовании; интенция к обретению собственной глубинной идентичности. Первым «совершенным человеком» был Зверь. Если в первобытности побеждается внешний зверь, то в античности – внутренний. Возникает первый кризис самоидентификации как следствие неадекватной самооценки («человек как мера всех вещей»). «Совершенным человеком» Средневековья выступает Бог. Если зверь оказывается в недостижимом прошлом, то Бог – в недостижимом вечном. Возникает второй кризис самоидентификации. В Новое время совершенным человеком становится Человек. Начинает доминировать представление о совершенстве (как реальной возможности), заключённом в самом человеке. Однако лишение человека метафизичности приводит к третьему кризису самоидентификации. В Новейшее время «совершенным человеком» всё более предстаёт Машина как «человек», лишённый человеческих слабостей с усиленными человеческими достоинствами. Уподобление человека машине приводит к четвёртому кризису самоидентификации. «Новым идеальным человеком» будет человек как неповторимый итог развития всей человеческой культуры, синтез уникального и всеобщего.

Для цитирования: Казаков Е. Ф., Красиков В. И. История как путь к Идеалу // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 18–23. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-18-23.

Идеал – образ совершенного, должного (в том числе трансцендентного), позволяющий оценить сущее и задать направленность его развития. Стремление к Идеалу – сущностная интенция человека, необходимая для его воочеловечивания. «При отсутствии веры в идеал мы опускаемся до звероподобного бытия, в котором все позволено, или впадаем в равнодушную лень» [1, с. 192]. Проблемы общественного идеала и его развития в истории исследовались в отечественной (Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, Э. Ильенков, И. Ильин, М. Калашников, В. Ленин, К. Леонтьев, П. И. Новгородцев, П. Сорокин, В. С. Соловьев, С. Л. Франк, Л. Н. Толстой, Н. О. Лосский, Г. Флоровский, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев, П. Сорокин) и зарубежной (А. Бергсон, М. Вебер, Н. Гартман, Г. Гегель, И. Кант, О. Конт, К. Маркс, Ж-Ж. Руссо, Г. Спенсер, К. Ясперс, К. Мангейм, А. Тойнби, М. Шелер, Х. Ортега-и-Гассет, П. Тейяр де Шарден, К. Юнг) мысли [2, с. 3–4; 3, с. 4–6; 4, с. 309–310].

Эволюция общественного идеала предстаёт одной из движущих сил истории (что мы и рассмотрим на примере образа идеального (совершенного) человека). Совершенный человек – один из значимых модулов общественного идеала; образец для подражания, базирующийся на духовных ценностях, характерных для определённого этапа истории. Идеальная сверхзадача исторической деятельности – «изобрести человека» [5, с. 334], «изобрести» совершенного человека и приблизиться к нему. Представления о совершенном человеке формировались на протяжении всей истории, начиная с глубокой древности, в чём выражает себя перманентно присущее человеку чувство неудовлетворённости собой (и миром), чувство нереализованности сущности в своём существовании; интенция к обретению собственной глубинной идентичности.

Смысл истории предстаёт поиском человеком своей идентичности. Вначале человек ищет Себя в Ином (Звере, Природе, Космосе, Духах, Боге, Прошлом), *меряя Себя по Иному (Иное – «мера всех вещей»,*

и меня). Логика истории человеческого самообнаружения развёртывается от Внешнего к Внутреннему, от Иного – к Своему. Самоопределение (Своего) невозможно без самоотличения (от Иного). Человек начинает с самосопрежания (включающего отличие и отождествление) Своего и Иного, что одновременно является и самоопределением Своего. Затем человек начинает мерять Иное по Себе (Я / Моё / Моя Самость – мера всего Иного, «всех вещей»). Человек пытается дополнить Своё совершенство Иным, продуцируя Своё Иное (и Иное Своё) за «границы» Себя (тем самым, усиливая Себя, усовершенствуя) [6, с. 190–227]. В развитии представлений о совершенном человеке можно выделить четыре магистральных этапа (учитывая, что изначально образ «совершенного человека» гетерогенен).

Первым «совершенным человеком» был Зверь. В первобытности происходит фетишизация зверя (зверь – прародитель человеческого вообще, «моего» рода в частности); остаточными явлениями чего предстают теоантропозооморфные полубоги / полулюди / полуживотные Древнего Востока и Античности. Существует ряд совершенных палеолитических образов зверя (см., напр.: «Раненый бизон» (Альтамира, Испания), но нет подобных совершенных образов человека. Совершенно изобразить можно только совершенное; совершенно изобразить несовершенное невозможно. Отметим, что образы Зверя здесь олицетворены, психологичны; т. е. более очеловечены, чем образы человека. Тем самым Зверь оказывается более человеком, чем человек. Человеческое раньше актуализируется в Ином, нечеловеческом; чтобы затем «рефлексируя вовнутрь», экстраполировать человеческое из Иного в Своё. Так красиво изобразить зверя (см.: «Пасущийся олень» (Фон де Гом, Франция)) можно было лишь испытывая к нему чувства восхищения и даже, может быть, любви. Вероятно, первое признание в любви было не к человеку, а к зверю.

Человек соединяется со зверем, т. е. с Совершенством, чтобы стать совершенным (антропозооморфные фигуры). Чтобы самоутвердиться, Человек ведёт свою историю от Зверя, ища в нём поддержку, защиту, опору, вдохновляясь его силой, мощью и властью, укоренённостью в мире. Человек «вскармливает» своё тело Телом Зверя, свою силу – Силой Зверя. Данная тенденция находит своё продолжение и в античной истории. Постепенно происходит исход из / от зверя, победа над ним, его преодоление. (Идеал превосходится, остаётся в прошлом). Чтобы стать совершенным, надо обрести достоинства зверя, преодолеть его слабости и актуализировать в себе те достоинства, которых у зверя нет. Итог: человек как «лучше-зверь». Начальная Архаика (Первобытность) есть победа над Зверем Во Вне (укрощение, приручение Внешнего Зверя). Зрелая Архаика (Античность) есть победа над Зверем Внутри (укрощение, социализация, «стерилизация», окультуривание внутреннего Зверя) – превращение (физической) Плоти в (одухотворённое) Тело. Античность, как

и Первобытность, сохраняет явно выраженный телесный характер культуры.

Античное Тело Человека «победило» Плоть Зверя не физической силой, а одухотворённой совершенностью. Другими словами, Физическое Тело побеждается Метафизическим Телом (целомудренность здесь предстаёт как синоним метафизичности). Метафизическое Тело – это уже не собственно Тело (физическое, организмическое), это – Душевно-Духовное Тело. Античное Тело – это уже не Тело Тела, а Тело Души (и всё более пробуждающегося Духа). Итак, в период Первобытности человек несамодостаточен, зависит от зверя, природы, духов, другого человека, рода в целом. Отсюда складывается представление: Я – меньше, слабее Иного.

Я – почти что Ничто. В это время человек адекватен себе (это необходимость, вынужденное условие выживания в экстремальной среде). В период Античности утверждается самодостаточность натурального хозяйства, полиса, человека, бога (статуи богов и людей никуда не смотрят, не идут, одиноки; они завершены, совершенны, ни в ком не нуждаются). Утверждается самодостаточность и богов и людей (Эпикур: «боги сами по себе, люди – сами по себе»). У человека складывается представление: Я=Всё (я – мир, вселенная). Возникает первый кризис самоидентификации: неадекватная (завышенная) самооценка (следствие заземления высшего мира, богов); надо очеловечить богов, чтобы обожествить человека. Надо очеловечить Космос, чтобы сам человек предстал Космосом (осуществляется перманентно-тотальная антропоморфизация). Происходит постепенное движение от внешнего стандарта совершенства – к внутреннему: от сравнения себя с Иным – к сравнению себя (как возможности, как прошлого) – с собой (как актуальностью, как настоящим-будущим).

«Совершенным человеком» Средневековья выступает Бог. Одним из знаковых моментов кульминационного события христианской истории – Голгофской Жертвы Спасителя – предстаёт распятие на Кресте Тела Христа (душу Мессии никто и ничто распять не может). Умирает Тело Христа (душа умереть не может), воскресая на третий день не в своём физическом, а в своём уже метафизическом Облике. Распятие Тела, смерть Тела предстаёт здесь знаковым событием, знаменуя Конец истории Тела, ставший финальную точку в доминанте Физического Мира, проводящий демаркационную линию между (теряющей господство) Историей Тела и (обретающей ведущую роль) Историей Души. Средневековое тело «спряталось», «растаяло» за одеждами; и во всей своей красе открылся бесконечно одухотворённый Лик. Дух вырывается, освобождается из Тела, обретая самодостаточность и свободу (понятно, что Тело не умирает, в прямом смысле слова, а лишь «уходит в основание» души). Одним из самых значительных образов, запечатлевающих торжество духовного бытия, предстает икона Владимирской Божьей Матери, для которой все человечество – дитя («под ферулой

церкви верующий всю жизнь оставался ребенком» [7, с. 549]). Что бы не изображалось на Иконе, она запечатлевает духовное небо, открытую нам (в нас) Бесконечность...

«Круги рая» оказываются в христианском представлении ступенями восхождения к Всесовершенному Богу (а «круги ада» – ступенями нисхождения от Него – к «асовершенному» Люциферу). Логике рождения этого Идеала раскрывает Л. Фейербах в «Сущности христианства» («не Бог создал человека, а человек создал Бога, вложив в него все лучшие свои качества») [8, с. 56]. Л. Фейербах не совсем точен: в образе Бога человеческие совершенства (мудрость, мораль, преобразующая деятельность) возведены в абсолютную (сверхчеловеческую) степень (всемогущество, всеблагость, всезнание, вездесущность). Поэтому и редуцировать образ Бога к образу человека (т. е. возвратить «божественные совершенства» обратно в человека, как предлагает Л. Фейербах) невозможно. Бог предстаёт «сверхсовершенным человеком». «Разрыв» между Ним и человеком настолько беспредель, что восхождение к Нему предстаёт, в конечном счёте, преодолением человеком своей природы, редуциацией человеческого в человеке («слабости» человека есть выражение не только его несовершенства, но и его собственно человеческой сущности).

Этот «несоизмеримый разрыв» Божественного Всесовершенства и человеческого «совершенства / несовершенства» в определённой степени преодолевает Христос, будучи и Сыном Божьим и Сыном Человеческим. В Его образе божественное и человеческое оказываются «в пределах видимости», взаимодостигаемости, слиянности. Поэтому Мессия и смог стать действительно Идеалом для совершенствования человека (свидетельством тому не только святые праведники, но и «живущие во Христе» миряне; их противоположность – нехристь, нелюдь, душегуб). Человек может, как Христос, накормить голодного, защитить обиженного, исцелить немощного, но не может утишать бури и воскрешать мёртвых. Л. Н. Толстой в статье «Царство Божие внутри вас» делит заповеди Христа на «минимум» (достижимые человеком, например, «не отвечай злом на зло») и «максимум» (не достижимый им, например, «возлюби врага своего») [9, с. 111]. К примеру, в образе Христа, Его заповедях, также есть недостижимый человеком духовно-физический идеал (абсолютная нравственность, воскрешение в новой бессмертной плоти). Образ Христа предстаёт как достижимая недостижимость, как близкая божья даль.

Восхождение к Богу как Абсолютной Истине, Абсолютному Благу, Абсолютной Красоте – вечное становление, никогда не достигающее конечной цели. Человек – вечный «путь», и никогда – завершённый итог. Каждый шаг к Богу приближает к Нему, и открывает новый взгляд на расстояние до Него. Восхождение к Богу – это превращение (не только телесности человека в метателесность) всего человека в метачеловека, «смена основания» в его эволюции. Планка (Божественного) Совершенства поднята на недос-

гаемую высоту, человек перманентно несовершенен, он – вечный грешник, «ходячий метакризис». Возникает второй кризис самоидентификации – амбиполярная (занижено-завышенная) самооценка: с одной стороны, я – вечный грешник; с другой – во мне образ Бога, я – Его сын. «Полюса» самооценки расходятся до «зашкаливания» (примираясь лишь в образе Христа). Отсюда – предельная неустойчивость души-психики человека, метания от греха к святости (Оптий – «разбойник-святой», И. Грозный – «душегуб-покаянник», Г. Распутин – «святой чёрт»), экзальтации-психозы («охота на ведьм», костры и тюрьмы инквизиции). В Средневековье человек оказывается в междуидеалии: Зверь – в недостижимом Прошлом, Бог – в недостижимом Будущем-Вечном.

В Новое время совершенным человеком становится Человек. Начинает доминировать представление о совершенстве (как реальной возможности), заключённом в самом человеке, в его огромном потенциале, его талантах, божественной силе интеллекта, посредством которого он может раскрыть все тайны, без апеллирования к религии и образу Бога, к метафизической реальности вообще (попытка чего и была предпринята в создании Энциклопедии), его способности кардинально преобразовывать мир. Человеческому разуму была предписана способность постигать любую истину, целеполагать, упорядочивать хаос бытия, разумно организовывая мир явлений. Показательно, что, если головы святых (в средневековых образах) всегда склонены, что символизирует смирение человека перед волей Бога, то в ренессансных образах у человека гордая, прямая посадка головы, символизирующая его самоуверенность и самодостаточность. Перед человеком – нет ничего невозможного. Он – «Ничто» (как потенция), способное превратиться во «Всё» (как актуальность). «Человек может то, что он должен» [10, с. 346]. С помощью науки, через просвещение он станет «господином и повелителем природы», способным прочесть Книгу Её Тайн. Совершенный человек данной эпохи – гений, разгадывающий тайны бытия; творец, созидающий собственную жизнь; деятельный «человек, всем обязанный самому себе»; могущий и должный духовно и физически бесконечно самосовершенствоваться.

В Новое время осуществляется попытка актуализировать собственно человеческое: и не звериное (природное) и не божественное (сверхдуховное). Человек ищет себя вне Бога и вне Зверя, открывая-созидая собственную «срединную» реальность и наполняя её собой. Природа (живая и мёртвая) – не «со мной», а сама по себе (в лучшем случае – материал, «мастерская», объект, «фон» для «меня»). Человек соотносит себя с собой, стремясь превзойти себя, актуализировать собственное совершенство без выхода в метачеловеческое. «Свято место пусто не бывает», и человек (лишивший метафизичности себя и природу, «убивший» метафизического Бога) вольно-невольнo дерзает занять Его место. Совершенный человек в результате предстаёт сверхчеловеком (человекобогом, «физическим богом»). Рождаются пантеон «земных богов» (выдающиеся первооткрыватели, мыслители, полководцы, правители).

Происходит третий кризис самоидентификации: потеря в себе метафизической составляющей, соизмеримости с Божественным; заземление человека, ограничение его дольным бытием (редукция Мироздания предстаёт как выражение редукции человека); утверждается самодостаточность человека внутри земного бытия, удовлетворённость земным в себе и снаружи; актуализируется Частичный Человек, воспринимающий себя как целостного, самодостаточного и совершенного. Осуществляется попытка компенсации, дополнения своей частичности (вещами, властью, богатством; «улётом» от действительности, погружением в иллюзорные миры барокко-рококо) до квазичеслостности. Потеря метафизического – потеря собственно человеческого (человек – существо с «метафизическим дыханием», открытое имманентному и трансцендентному). Человек потерял «точку опоры» в природе и Боге, и не обрёл её в себе: физические миры, в отличие от метафизических – «зыбучие», «проваливающиеся под ногами». Человек, вынужденный («по-просветительски») искать опору лишь в себе, теряет ориентацию в мире, способность самоидентификации.

В Новейшее время «совершенным человеком» всё более предстаёт Машина. Для Машины характерна абсолютная функциональность, выносливость, неприхотливость, сила, дешевизна, в ней нет ничего лишнего, бесполезного. Она превосходит человека по всем «рабочим» параметрам и для позитивистско-прагматически настроенного человека предстаёт как безусловный Идеал. Машина – «человек», лишённый человеческих слабостей, с усиленными (до почти «божественной» недостижимости) человеческими достоинствами. Машина предстаёт как «сверхчеловек», как «новый Бог» (в которого, как в «старого Бога», по логике Л. Фейербаха, человек вложил свои лучшие качества). Машина выступает первым искусственным Совершенством («искусственным Богом»), целиком созданным умом и руками человека (не существовавшим до него, и не способным существовать без него). Если Зверь существует вне человека и возникает до него, если Бог изначален, если потенциал человека (как считали просветители) вложен в него Природой от рождения, то Машина есть проекция человеком себя во вне. Фетишизируя Машину («люди, молящиеся на авто»), человек объективирует (вплоть до отчуждения) себя (свою сущность) от себя (своего существования).

«Машина приноравливается к слабости человека, чтобы превратить слабого человека в машину» [11, с. 178]. Если раньше Машина ориентировалась на человека (органопроекция), то затем человек ориентируется на Машину (вольно или невольно), подражая ей (человек как Машинопроекция). Бесполоя Машина инициирует бесполого человека (унисекс); движения автомата копируются в движениях человека (дабстеп); «механические» ритмы задают ритмы современной музыки (техно-поп); утилитарность станка и робота «заражает» утилитарностью чело-

века (прагматизм, инструментализм, человек как функция, «винтик», актер, скриптор, трудоголик, киборг). *Человек рождает «детиче», которое способно не только восхищать, но и «пожирать» своего родителя.* Машина лишена человеческих недостатков и слабостей (а человеческие достоинства в ней усилены и суммированы с собственными достоинствами Машины), превращаясь во всё менее достижимый для человека Идеал. Относительно Машины, становящейся всё более «Совершенным Человеком», человек становится всё менее совершенной, «плохой» Машинной. *Если ко всем предыдущим Идеалам человек, так или иначе, приближался; то от последнего он всё более отдаляется* (будучи «рабом Бога», человек восходил к Нему, став «рабом Машины», он нисходит от неё). Омашинивание человека есть одновременно его расчеловечивание. Чтобы стать совершенным (как Машина), надо «превзойти» себя (т. е. собственно человеческое)... потеряв себя. Развёртывается *четвёртый кризис самоидентификации:* соотносить себя с собственной копией (как со своей Тенью, занявшей твой трон) – контрпродуктивно.

«То, что ищет совершенный человек, находится внутри него...» (Конфуций), в его латентно целостной, «всёшной» сущности. Для интегрального, мультисущностного человека необходим мультисущностный Идеал. Идеал должен включать в себя возможность развития человека «во все стороны» (человек, «бегущий во все стороны... к себе»). Адекватным «всеединому» миру предстаёт лишь «всеединный» человек. Если «общее» (религиозное, этническое) и «особенное» (родственное, семейное) сейчас достаточно актуализированы, то «единичное» (индивидуальное, личностное) и «всеобщее» (общечеловеческое, общекультурное) проявлены намного меньше. Одна из насущных задач – актуализировать «полюса» человеческого бытия, соединить их друг с другом. *Каждый человек в идеале должен предстать неповторимым итогом развития всей человеческой культуры* («единичностью», в которой «сфокусировано всеобщее»; «каплей», в которой не отражается, а пребывает «океан вселенной»)... *всего Мироздания.* «Новый Идеальный Человек» предстанет уникальным итогом-синтезом онтогенеза и филогенеза (развития семьи, этноса, мировой культуры). Не Человечество (только) – итог эволюции Мироздания, а каждый человек, каждое «Я». Глобализация – в конструктивной своей части – движется в этом направлении. Мы переживаем объективный процесс повышения степени открытости государств, этносов; активизацию (во многом вынужденную и выстраданную) Диалога Культур, диалога «всех со всеми». «Новый Совершенный Человек» – это Соборный Человек; Человек как Человечество, Мироздание. Важнейшая задача – актуализация Всеобщего в каждом человеке вместе с актуализацией его Уникальности. «Новый Идеальный Человек» – синтез Уникального и Всеобщего.

Литература

1. Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея // *Русская идея и современность*. Петроград: Academia, 1922. С. 177–216.
2. Билаонова М. Ю. Проблема идеала как общественной ценности и ее отражение в русской философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2001. 26 с.
3. Омарова З. У. Формирование общественного идеала в социально-историческом развитии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Махачкала, 2004. 21 с.
4. Меликян М. А. Философские версии совершенного человека // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2013. № 5. С. 309–312.
5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // *Сумерки богов*. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
6. Казаков Е. Ф. Душа: метафизика самоопределения. Кемерово, 2014. 249 с.
7. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
8. Фейербах Л. Сущность христианства: соч. в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1992. 425 с.
9. Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас // *Полное собрание сочинений*. 1890–1993. В 90 т. Т. 28. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 1–294.
10. Фихте Й. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 784 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // *Сочинения*. Т. 42. М.: Изд-во полит. л-ры. С. 43–174.

HISTORY AS A WAY TO THE IDEAL

Evgenii F. Kazakov^{1, @1}, Vladimir I. Krasikov^{2, @2}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

² All-Russian State University of Justice, hous. 1, 2, Azovskaya St., Moscow, Russia, 117638

@1 kemcitykazakov@mail.ru

@2 rpa@rpa-miust.ru

Received 20.04.2017. Accepted 29.12.2017.

Keywords: the history of man, the ideal, the perfect man, the primitive, antiquity, middle ages, New time, new time, animal, God, machine, identity crisis.

Abstract: The article examines the role of the social ideal in history according to the evolution of the Perfect Person image. The Ideal is understood as the image of the appropriate that allows one to assess the things in existence and direction of its development. The pursuit of the Ideal, the essential intention of the person required for their incarnation is one of the driving forces of history. Every historical period constructs its own image of a perfect person and strives to get closer to this image. Ideas about the Perfect Man have been shaped throughout the whole human history, which reflects the permanent dissatisfaction that is inherent to human – dissatisfaction with himself and the world around, the lack of implementation of the essence in their existence, intention to gain their own deepest identity. The first Perfect Man was a Beast. In the prehistoric period it was the Outer Beast that had to be conquered, whereas in antiquity it was the Inner Beast. That was when the first identity crisis arose as a result of inadequate self-esteem ("man as the measure of all things"). The Perfect Man of the Middle Ages was God. The Beast now belonged to the inaccessible past, while God was in the unattainable eternal. This was the second identity crisis. In modern times the Perfect Man becomes a Man. The concept of perfection (as a real possibility) within a man becomes domineering. However, depriving a Man of metaphysics leads to the third identity crisis. In modern times the Perfect Man, increasingly, appears to be a Machine as a man devoid of human weaknesses with heightened human qualities. The analogy between human and machine leads to the fourth identity crisis. The New Perfect Man will be a man as a unique result of the development of all human culture, the synthesis of the unique and the universal.

For citation: Kazakov E. F., Krasikov V. I. Istoriia kak put' k idealu [History as A Way to the Ideal]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 1 (2018): 18–23. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-18-23.

References

1. Karsavin L. P. Vostok, Zapad i russkaia ideia [East, West and Russian idea]. *Russkaia ideia i sovremennost'* [Russian idea and present]. Petrograd: Academia, 1922, 177–216.

2. Bilaonova M. Iu. *Problema ideala kak obshchestvennoi tsennosti i ee otrazhenie v russkoi filosofii*. Avtoref. diss. kand. filos. nauk [Ideal problem as social value and its reflection in the Russian philosophy. Cand. filos. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2001, 26.
3. Omarova Z. U. *Formirovanie obshchestvennogo ideala v sotsial'no-istoricheskom razviti*. Avtoref. diss. kand. filos. nauk [The formation of social ideal in the socio-historical development. Cand. filos. Sci. Diss. Abstr.]. Makhachkala, 2004, 21.
4. Melikian M. A. Filosofskie versii sovershennogo cheloveka [The philosophical version of the perfect man]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl' = Historical and social-educational ideas*, no. 5 (2013): 309–312.
5. Sartre J.-P. Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is a humanism]. *Sumerki bogov* [Twilight of gods]. Moscow: Politizdat, 1989, 319–344.
6. Kazakov E. F. *Dusha: metafizika samoopredeleniia* [Soul: the metaphysics of self-determination]. Kemerovo, 2014, 249.
7. Herder J. G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas to the philosophy of history of humanity]. Moscow: Nauka, 1977, 703.
8. Feuerbach L. *Sushchnost' khristianstva* [The essence of Christianity]. Moscow: Nauka, vol. 2 (1992): 425.
9. Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenii. 1890–1893* [Complete works. 1890–1993]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, vol. 28 (1955): 1–294.
10. Fichte J. *Fakty soznaniia. Naznachenie cheloveka. Naukouchenie* [The facts of consciousness. The destiny of man. Naukovej]. Minsk: Kharvest; Moscow: ACT, 2000, 784.
11. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works]. Moscow: Izd-vo polit. l-ry, vol. 42 (1974): 43–174.